

БЛОКАДА В РАЗЛИВЕ

Воспоминания

Тамары Владимировны Комаровой - Краевой

Сначала я расскажу о своих корнях. Мой дед Сергей Иванович Комаров (1867-1940) был оружейником, работал на Сестрорецком заводе. Наш род издавна живет в Разливе. Дедовский дом на 2-ой Тарховской был построен в 1896 году и стоит до сих пор, больше века.

В этом доме на 2- Тарховской в посёлке Разлив жила Тамара Владимировна. Он был построен в 1896 году и стоит до сих пор. Когда недавно, уже в 21 веке, при отделочных работах сделали срез с бревна в основании дома, оказалось, что дерево ещё пахнет смолой.

Мой отец Владимир Сергеевич Комаров (1901 – 1981) окончил оружейную школу при Сестрорецком Заводе, потом работал на том же заводе. Моя мама, Мария Васильевна Комарова, урожденная Баранова (1907 – 1993), происходила из обеспеченной семьи, у них было три мастерских, где шили сапоги, и дом в Лисьем Носу. Отец с матерью поженились в 1926 или 1927 году.

**Комаровы
Мария Васильевна и
Владимир Сергеевич**

Я родилась 1929, а мой брат Владимир в 1930 году. Моя мама окончила «Снегиревку», т.е. медицинское училище при одноименной больнице в Ленинграде. Она была хирургической сестрой с замечательными руками.

Боевые будни

Ленинград, Разлив – дни блокады - 25 мая 1942 года на фотографии: справа Елена Сергеевна Корнеева –врач, посередине Мария Васильевна Комарова –медсестра.

Мама во время войны работала медсестрой в яслях в Сестрорецке. Хотя все медсестры были военнообязанными и мобилизованы, маму на фронт не взяли; так как у неё было двое детей. Потом Сестрорецк закрыли и мама стала работать в яслях пос.Разлив. Они находились в конце 2-й Тарховской улицы, затем в доме №46, по той же Тарховской.

Детский дом

*4 класс Разливской школы,
в центре Мария Александровна
Александрова.*

Сестрорецкий детский дом был организован зимой 1941/1942 гг. в Разливской школе № 7 (ныне-434-я). Директором блокадного приюта стала бывшая директор школы Мария Александровна Александрова. Под крышей школы были собраны осиротевшие дети. Они поступали из поселков Горская, Александровская, Тарховка страшно истощенными, часто умирали уже там. Сарай, который находился между деревянным и каменным корпусом школы, был заполнен детскими трупами. Их отвозили в Тарховку на санках и складывали штабелями в ров (позже их захоронили на Тарховском кладбище в братской могиле).

Мой младший брат Вова всё время сидел у печки и постоянно плакал. И всё время спрашивал меня: «Ну, когда ты пойдёшь за хлебом?».

Эвакуация

В начале июля 1942 детский дом был эвакуирован через Ладожское озеро в Горьковскую область, в поселок Березовая заводь Ветлужского района. Моей маме выписали командировку на 2 года. Надеялись, что дети и мать придут в себя. Моё «обратное развитие» заключалось в том, что чем бы меня не кормили, ничего не усваивалось. Тела у меня уже не было, хотя я ходила и бегала быстрее других. Вообще, я раньше была очень спортивной, отлично каталась на коньках, ходила на лыжах. Это было обычным для всех детей в Разливе.

И до войны не болела ничем. Если мне хотелось немного поболеть, я нарочно ела сосульки с крыши. У меня была какая-то генетическая стойкость. А брат мой до войны всё время болел, мама его всё время лечила и даже ездила с ним в Евпаторию, хотя это было дороговато для нашей небогатой рабочей семьи, но путевку давал завод. Всё-таки в первую блокадную зиму я, брат и мама остались живы. Нас спас Детдом в Горьковской области. Он располагался в деревянной школе, целиком отданной нам, в поселке, где была картонажная фабрика, работавшая тогда для фронта. Поселок стоял в лесу. Вокруг были вырубки. А на вырубках росли ягоды. И нас отводили на эти вырубки и оставляли там до вечера. Змей там было видимо-невидимо, но за 2 года они никого из нас не укусили. Видимо, мы были такие невкусные! Эти ягоды нас спасли.

Сначала малина, потом черника, потом голубика, потом брусника. Нам приносили воду, ели ягоды и хлеб. И мы там были с утра и до 5-6-ти часов вечера. Мы пили воду, ели ягоды и хлеб. И это было то, что нужно после длительного голодания. Нам ведь нельзя было есть жирное, пить молоко. Сначала, мы сами ели в лесу и тут же засыпали, а когда уже приходили в себя, то собирали ягоды для тех, кто остался в детдоме – малышей и детей среднего возраста. Ходили мы там босиком. У нас из обуви не было ничего – только те сандалии, в которых мы приехали. Местные люди при встрече нас крестили, а мы думали: «Что нас крестят? Мы ведь остались живыми». Сами они ходили в русских сапогах, а мы были босыми и полуголыми. Все наши платья превратились в «мини-платья», ведь мы росли. Вообще, обнищали и оборвались все страшно. В Детдоме мы все делали сами. Каждый входил в какую-либо бригаду. Я была бригадиром. А бригада моя была - мал мала меньше. Мы должны были нарубить и наносить дров, вымыть посуду. В детдоме была всего одна повариха. А обслугою были мы, дети.

Балетная труппа детдома. 1944 г.

Из Разлива и Сестрорецка вывезли около 100 человек. Позже к нам приехала тётя Лёля: она выжила в той жуткой больнице! Из медперсонала была одна моя мама. Её все боготворили. Ведь у нас никто не умер! И это было её заслугой. Мама была строгая, но справедливая женщина. Где бы мама не работала, отношение к ней было всегда замечательное – по её делам.

Когда после войны, в 1947 году, я серьезно заболела, и у меня страшно полезли волосы, то сам начальник госпиталя, где работала мама, доктор Чесноков, поехал в Москву и привез лекарства, и они меня спасли. Это была заслуга мамы.

Мы вернулись из детдома в 1944 году. Мы там были всего 2 года – с лета 1942 по 1944. В том же году я пошла в 8 класс школы в Разливе. Наш дом, когда мы вернулись, стоял на месте, но был пустой. Не было даже ни одного стула. Из дома было вывезено абсолютно все. Там были только железные кровати, на которых спали солдаты. И все стены были в огромных гвоздях – очевидно, на них солдаты вешали свои винтовки и одежду. Вот в такой бедности началась наша послевоенная жизнь. Только в сарае, где мы когда-то кипятили белье, случайно сохранилось несколько вещей – комод, а в нем посуда и немного белья. Нам очень тяжело жилось, пока летом 1945-го не вернулся отец.

В 1948 году я поступила в Первый Ленинградский педагогический институт иностранных языков, успешно окончила его в 1953 году по специальности «немецкая филология», более 40 лет преподавала в высших учебных заведениях Петербурга. В том году вышла замуж за Виталия Ивановича Краева – 10 лет назад была наша золотая свадьба.

В общем, жизнь моей семьи сложилась удачно. За это я благодарна судьбе, благодарна родному Разливу с его традициями дедовского дома, взаимной выручке моих родных, бескорыстному ежедневному подвижничеству моей мамы, фронтовому, трудовому и спортивному радению отца.

Тамара Владимировна Комарова-Краева с внучкой Беатой. 2007 год.